

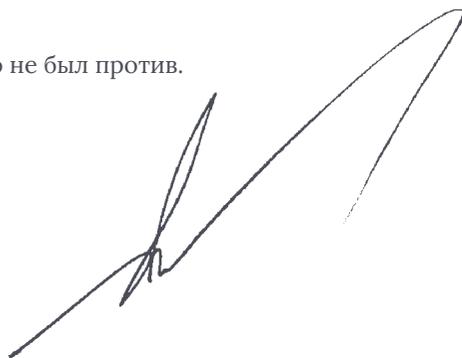
Посвящается героям и читателям строк,
дающим мне возможность оставаться
в ладу с собой.

С п а с и б ●

Жене, каждые пять утра позволявшей мне
уделять время желанному, а не должному.
Этой книге.

Родителям, всегда видевшим во мне большее.
Без них я бы не решился.

Всем тем, кто даже безучастно не был против.

A large, stylized handwritten signature in black ink, consisting of several sweeping, interconnected strokes that form a complex, abstract shape.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Заметки Директора

Любовь	12
Крым	14
Смена	20
Родство	23
Стыд	25
Люди	28
Море, солнце, горы	31
Неприглядное	34
Лагерное	37
Уют	40
Нельзя, можно	42
Случайно	44
Везет	47
Стройка	49
Против	54
Огонь	56
Вина	60
Команда	62
Невидаль	65
Справедливость	69
Невозможное	72
Благодарность	76
Признание	79
Красота	84
Режим	86
Вместе	92
Праздники	94
Профессионализм	96
Белки	98
Бутово	101
Свежеокрашенное	103
Цель	105
Мечтать	110
Свободная стая	113

Заметки Педагога

Учитель	118
Коллектив	125
Оркестр	127
Признание	129
Смена	132
Пример	134
Неравнодушие	139
Безопасность	143
Большая задача	146
Безусловное	148
Равные	151
Воля	155
Интуитивно	159
Пустота	161
Рамки	163
Важное	167
Дефицит	169
Ценность	171
Мелочи	174
Неправда	176
Одержимость	178
Профессионализм	181
Доверие	184
Урок	188

Заметки Человека

Красота	192	Маме	255
Видимость	197	Счастье	257
Хорошее	200	Мочалка	261
Диагноз	202	Вечное	264
Границы	209	Рамки	266
Родительские дни	212	Толпа	269
Мода	214	Пионер	272
Честь	216	Вожатый	274
Сам	219	Прошлое	276
Свои	221	Любовь	279
Лайки	224	Медленно	284
Форма	226	Случай	286
Заклинания	228	Ссадины	289
Обнимашки	230	Забота	291
Дружба	232	Будущее	296
Чудеса	234	Крым	302
Гость	237	Против	306
Победа	239	Идеал	308
Сегодня	241	Пубертат	310
Беззаботность	243	Ценность	312
Загар	246	Улыбка	315
Сон	248	Эгоизм	317
Детство	250	Звонок	320
Время	253	Очередь	322
		Изнанка	324
		Письма	326
		Без компромиссов	328

424 слова

перед увлекательным чтением

Годы, проведенные в школе, неоднократно убеждали меня в справедливость мысли Максима Горького: «Дети очень часто умнее взрослых и всегда искреннее». Потому, работая и учителем, и директором старался не проводить традиционных «разборов полетов», а понять почему и зачем ребенок сделал что-то «не то». Анализ, размышления, по-умному — рефлексия относительно причин выбора маленьким человеком направления движения от индивида к личности, мучили. Причем и в школе, и вне ее. И все-таки домашние отвлекали от постоянно идущего «педагогического совета» — профессионального разговора с самим собой, позволяли переключаться, точнее — отключаться. Артек, пусть и национальное достояние, но замкнутое, изолированное от мира пространство. Тут все не так, как в школе. Из образа не выйдешь. На «боевом посту» двадцать четыре на семь, как говорится. Обыденная жизнь здесь сначала смешивается, затем — сливается с профессиональной, становится чем-то единым, неразделимым. Всякий взрослый здесь — педагог или «человек по профессии человек»¹.

Алексей, погрузившись в Артек, потерял связь с обыденной жизнью. Педагогический нерв оголился, взгляд стал пронизательным. Как у аббата Фариа после четырнадцати лет, проведенных в замке Иф. Возникли вопросы, самые простые и... самые сложные. Например: «Могут ли увлеченные люди стать заложниками профессиональных стереотипов? Не противоречит ли школьная форма развитию индивидуальности? Хорошо или плохо, если школа очищена от всего лишнего? Может случиться образование в таковой?» И главный вопрос: «Что важнее в образовании — процесс или результат?». И напоследок: «Когда мы говорим «образование», у нас возникает картинка школьного здания? Может это

¹ Погребельский В., Турчанинова Ю. Человек по профессии человек // Учительская газета. 1992. № 1.

не так? Совсем не так?». Автор не дает ответов на эти вечные вопросы педагогики. Он рассказывает читателю не то, ЧТО, КАК и, главное, ПОЧЕМУ об этом думает, приглашая заняться этим читателя.

Отсутствие классической дидактичности часто не удерживает авторский взгляд на обсуждаемом предмете. Вот и появляются в том или ином эссе то тема семьи, то рассуждение о роли «учителей-Паганелей», то образ скульптора Неизвестного, фамилию которого незнамо как писать — с большой или маленькой буквы...

Очень не хотелось к столь необычной книге писать традиционное предисловие: автор нашел..., обратите внимание на..., можно вступить в дискуссии с... и т.д. Хочется заинтриговать читателя, призвать его вслед за автором, использовать технику медленного чтения. Ведь сборник эссе, который вы держите в руках, и не «Повесть о пережитом»¹, и не «Автопортрет на фоне профессии»². Это даже не автоэтнографическое исследование, в котором автор связывает личный опыт с более широкими смыслами, а своего рода исповедь, которая, надеюсь, не оставит равнодушным читателя.

Впрочем, быть может, я ошибаюсь, ведь Алексей Каспржак — Анато́лье-вич, мой сын.

Анатолий Каспржак

¹ Б. Дьяков, «Повесть о пережитом», печатались в журналах «Звезда» за 1963 г. и «Октябрь» за 1964 г.

² А. Берштейн, «Школьный блюз: автопортрет на фоне профессии». — Москва: АО «Акрон», 1996.

Вместо введения

ВЫБОР

Самый часто задаваемый вопрос: почему я ушел. Сделал это сам. Ведь остаться мог. Предлагали. Но собрался и уехал. Тогда почувствовал. Сейчас понимаю, что сделал то, что должен был. Выбор. Главное дело в жизни человека. Он не бывает правильным. Делая его, ты всегда отказываешься. В том, от чего, всегда есть хорошее. То, что можно было сделать. Даже если не смог нового, сохранять дольше то, что раньше получалось, — тоже цель. Ради этого стоит выбор делать. Это как болезнь. Ты ежедневно борешься. Каждый день укрощаешь ее. Зная, чем закончится. Но сдаться сразу неправильно. Я знаю, как сложно. Есть те, кто такой выбор делает.

Я выбрал как директор. Популярный. Авторитетный. Я мог делать все. Это одновременно плохо и в то же время хорошо. Мандраж присутствовал еще, но я начал позволять себе то, что неправильно было делать. Экспромт. Запаса, опыта хватало. Но нужно каждый раз сделать не просто хорошо. А лучше всех. Так перестало важным быть. Или просто не хотелось. Но выбор руководителя заключается в другом. Так, как я считал, мне уже вряд ли дали бы руководить, принимать решения, делать. Артек является Артеком прежде всего в том, что ощущает себя исключительным, в ряд не встающим лагерем. А того, кто в него приехал, — человеком. Был вариант ряд подтянуть. Но что рассуждать о том, что не случилось. Кто мог тогда представить, что ряд теперь во всем. Беда пришла в наш общий дом. То, что было постоянным, стало переменной.

Я выбрал как учитель. Многие так меня определяли. Заразно делать то, что нравится и получается еще. Скорее образ, нежели я сам был педагогом. Дети сами выбирают. Произвольные они. В лагере особенно.

Не соответствуют тому, что взрослым нравится. Сами примеряют на себя. Я говорил об этом с ними каждый раз. И со взрослыми. Счастливым сделать никого нельзя. Можно создать условия. Помочь счастливым быть тому, кто хочет, человеку. Видел, так бывает. Как чуток был тогда? Сам не представляю. Может быть, совпало? Но снова везде — можно и нельзя. Знают, как хорошо и плохо. На каждого, как маску, «должен» надевают. Все просто и определено. Учитель — не помощник, знахарь. Принуждением к счастью общему учительство теперь время занимает. Функция моя исчезла.

Надеюсь, что еще я выбирал как человек. Как проще. Это же естественно — от сложностей уехать. Я думал, пригодится опыт делать то, что видно только мне. Бить в цель результативно — это же не все. Куда важнее придумывать то, куда людям стоит двигаться, меняться, ехать. Мой выбор — эти тексты. Я старался написать здесь все, чтоб каждый прочитавший мог задать себе вопрос. Возможно, понял, что из стройных человеческих рядов торчит он не один. Так можно жить. Согласен, неудобно. Да. Но другой выбор совесть не дает, мешает сделать.

Заметки

ДИ-
РЕК-
ТОРА

ЛЮБОВЬ

Лагерь — это всегда про любовь. Кто в нем первый раз не влюблялся? Или очередной раз? В девочку из отряда. В молодую вожатую. В приехавшую на несколько дней погостить звезду. В место. В море, солнце — даже если смена не летом. В то, как к тебе относятся, считая тебя главным. В породистую собачку на ферме или в беспризорную кошку, облюбовавшую столовую в поисках пропитания. В конце концов — в себя, способного теперь на то, что раньше не пробовал. Что никогда до лагеря не получалось.

Влюбляться никогда не поздно. Жизнь отучает это делать. Заставляет быть разумным и рациональным. Жадным. Полюбить — значит потерять. Голову, время. Чувство брезгливости, наконец. Надо же трогать и принимать предмет твоего обожания. Принято считать, что Артек научал любить Родину. Россию, предоставившую тебе возможность побывать в нем. Думаю, это так. Но без специальных слов и ритуалов. Находясь все время рядом. Ухаживая и сопровождая. Не навязываясь и не требуя ничего взамен. За двадцать один день любовь к себе ребенка становилась больше, чем он сам, и начинала требовать подтверждения. В отряде, в лагере, в Артеке. Выходя за его границы — в стране. Источник чувств — всегда ты сам. Требовать их от кого бы то ни было бесполезно.

Помню, как это все начиналось. Я собирался ужинать, когда зазвонил телефон. «Вас беспокоят из приемной вице-премьера Ольги Юрьевны Голодец. Вы сейчас можете к нам подъехать?» Кто она такая, я знал. Но лично знаком не был. Я жил за Преображенкой, на Открытом шоссе. Посмотрев на навигатор, ответил, что буду не ранее, чем через сорок минут. «Хорошо, мы вас ждем», — ответил приятный голос помощницы. Не переодеваясь, так и не притронувшись к готовому ужину, я сел в машину и поехал. Это был март две тысячи четырнадцатого. Честно, я не мог и предположить, какого рода предложение прозвучит. Что мне

предстоит бессонная ночь осознания того, что можно и нужно сделать в месте, где я ни разу не был. Да и признаться, когда услышал, не знал, где оно находится. Так часто случается, когда это любовь.

КРЫМ

Лагерь в Крыму

По дороге на встречу я понимал, что разговор пойдет обо всем известном полуострове. Конец марта две тысячи четырнадцатого: только что отгремевшая Крымская весна и звонок из Белого дома не могли не быть связаны. «Только не чиновник», — думал я, набирая номер отца, чтобы обсудить возможности и риски. После Тверской области в моей профессиональной деятельности было много разного. Позиции, должности, зарплаты, к которым люди идут всю жизнь. Но эмоций, сравнимых с возможностью сделать мир лучше на вверенной тебе территории самого большого региона Центральной России, не было. И я понимал, что этого звонка ждал. Что, несмотря на то что речь о Крыме, соблазн согласиться слишком велик. Нужно было поговорить с тем, кто всегда за тебя. Мне нужно было его одобрение.

Сорок минут дороги пробежали незаметно. Москва уже выезжала из центра. Я направлялся в него. Навигатор тогда работал исправно и не вис, позволяя точно следовать его указаниям, а не достраивать и предполагать. С ним диалог был не нужен. Да и я, хоть и позвонил отцу, не ждал обсуждения. Он догадывался. Вспомнил, как пришел в свое время к моему деду, своему отцу, за советом, нужно ли вступать в партию. Тот ответил, что да, в партии приличных людей будет больше. Это я воспринял как нужный мне сигнал от отца и деда, чей авторитет в нашей семье непререкаем, а образ даже немного мифологизирован. Встав с ними в один ряд, я расслабился и уже спокойно доехал до цели.

Приемная Ольги Юрьевны хоть и отдавала, как и все здание, общим прошлым, была уютна и не создавала ощущения шлюза в неведомую высь. Власть в ней являлась с человеческим лицом. И ты не представлял

перед начальствующим «тварью дрожащей». Ее звонкий голос располагал к общению. Живой заинтересованный взгляд свидетельствовал о том, что ей не все равно. Она участвовала. Позже стало ясно, что для нее Артек — очень личное. Там она бывала ребенком и сегодня могла себе позволить отдать долг тому месту, где ей было хорошо. Еще большее удовольствие, чем только брать. Я слушал ее, а на телефоне под столом незаметно вбивал в поисковик знакомое название «Артек». «Лагерь в Крыму» — первое, что прочитал я. Так, настороженно относясь к произошедшему той весной, опасаясь последствий, я внутренне согласился. Но этого было, как оказалось, совсем недостаточно. Впереди были два месяца борьбы за возможность стать тем, от чьего лица я повествую теперь.

Качели

Впервые я побывал в Артеке в мае две тысячи четырнадцатого. Помню, чемпионат мира по хоккею был в самом разгаре. На ужин на набережной Гурзуфа мы пришли вдвоем с коллегой из Министерства образования и науки. На экране — матч с участием сборной. Играли наши и финны. Почти все столы были заняты. И нам предложили сесть спиной к посетителям прямо у экрана. Выбора не было, мы сильно проголодались. Особенностью того времени было то, что ни телевидение, ни радио еще не перестроили вещания. Доступной была трансляция лишь украинского канала. Вел ее комментатор, который, очевидно, был против. Не за нас. И громко выражал это не на русском языке. Мы же, не понимая реакции зала, пребывали в легком замешательстве. Ели и ждали. Гол. Пауза. Восторженные возгласы. Слава Богу. Они за нас.

Нужно сказать, что в Артеке нас тоже не особо ждали. Начальство, как принято, не встречали. На телефоны не отвечали. В выходные дверь в офис — здание главного управления лагерей (ГУЛга), — не открывали. Артек был крымским. Желания забрать его власти местные не разделяли. По-простому — все игнорировали нас. Нужно отметить, что к высоким гостям Артек был давно приучен и потому не рассыпался

в подбострастии даже перед самым значимым из них. Лагерь с его внутренним достоинством всегда отличался не только размером, схожим с площадью княжества Монако. Независимостью. Внутренней свободой. Правом быть искренним, а не казаться. Если любить, то любить. Если ненавидеть, то до самого конца. Он к тому моменту был уже взрослым и потому не вспыхивал мгновенно страстью, как молодая девушка. Скорее, как бабушка, медленно присматривался и неторопливо решал.

Этот приезд, да и последующие два, не давали окончательного, уверенного ответа. Подтверждения моего приема на работу. Оказалось, что конкурс, проведенный вице-премьером, в котором участвовали от директоров школ до генералов, был лишь первым, маленьким шагом. А случившееся в конечном счете назначение тринадцатого июня все того же года не стало финишем. Стать начальником не значит получить должность. Кресло, кабинет — бантики. Написанные на визитке заветные слова нужны только тому, кто ищет в них подтверждение. В Артеке все решают дети. Авторитет у них заработать сложно. Потерять легко. Он измеряется продолжительностью паузы, которую может позволить себе говорящий на сцене «Артек-Арены», сопровождаемой тишиной детской аудитории, состоящей из нескольких тысяч человек. До этих пауз было далеко. Да и до строительства арены. В преддверии восьмьдесят девятого дня рождения Артека я был представлен коллективу. А с самого утра шестнадцатого июня на линейке в «Морском»¹ понял, что только громкими словами пока могу угомонить толпу.

ЧКХ

Чисто крымская херня. Ее было много. Огромное количество привычного, обыденного, регулярного для всех удивляло, обескураживало. Лишало дара речи и возможности среагировать. Ты не мог себе представить, что

¹ Международный детский центр «Артек» включает в себя девять лагерей: «Полевой», «Речной», «Янтарный», «Хрустальный», «Озерный», «Лазурный», «Морской», «Лесной», «Кипарисный». На момент написания книги подходила к концу стройка лагеря «Солнечный». — *Прим. ред.*

Апрел

может быть так. Для всех же тебя окружающих все было в порядке вещей. Например, как руководителю учреждения, мне предоставили рабочий автомобиль. Огромный старый внедорожник — «тойота-лендкрузер». Совсем большой, валкий. Он прошел более шестисот тысяч километров и потому весь скрипел и кряхтел, но ехал. В его багажнике был большой кровавый след. Вероятно, от перевезенной туши. Надеюсь, животного. Но самое интересное, что вместо технического паспорта автомобиля под козырьком была визитная карточка без особых опознавательных знаков. Только телефон, фамилия, имя. Не успев спросить, зачем мне это, получил внятное разъяснение, мол, если вдруг вас остановят, передайте эту визитку инспектору. Вопросов быть не должно.

Херня была разная. Но в основном рукотворная. Договорная и общепринятая. Она рождалась где-то между компромиссом, ленью и жадной быстрой наживы. Учитывая то, что доведенный Крым своим положением в какой-то степени напоминал нашу Калининградскую область или Дальний Восток, периферийное сознание позволяло многое. Можно было продать участки земли с возможностью доступа только через территорию лагеря. Запроектировать и построить огромные жилые комплексы с единственным расчетом врезаться в его канализацию. Рекламирывать дорогостоящие виллы, не скрывая, что доступ на пляж может быть только через детский лагерь. Выгородить его часть и открыто продавать билеты для прохода на эту территорию. После ялтинского рынка, которому особо не было альтернативы, чувствовать себя вольготно в «Азбуке вкуса» в Москве. Без капли стеснения установить ценник на только что произведенные крымские вина значительно выше французских. И многое-многое другое. Этими шокирующими особенностями полуостров был полон. Казалось, они везде. Все не рассказать, часть и не вспомнить. К некоторым за время жизни там мы успели привыкнуть.

Говорят, такая херня есть много где. На Сахалине и в Сочи, Краснодаре, Чите, Грозном. Привычками мест и местечек мы связаны, как путами, не имеющими ни начала, ни, кажется, конца. Устойчивость, преемственность, как верительная грамота, узаконивает их. Объясняет и обосновывает невозможность изменений. Мы приехали из другого

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru